

Сергей Ефременко

Ужасы маленького городка или Гондурас

Сергей Ефременко

**Ужасы маленького
городка или Гондурас**

«Автор»

2025

Ефременко С.

Ужасы маленького городка или Гондурас / С. Ефременко —
«Автор», 2025

Действие разворачивается в сибирском шахтёрском городке, прозванном «Гондурас» за его магическую притягательность и контрастную атмосферу. Построенный после войны в стиле сталинского модерна с элементами петербургской эстетики, городок окружён тайгой, горами Шорского хребта и двумя реками. Центральный бульвар с фундаментальными домами создаёт иллюзию европейской жизни, несмотря на хрущёвские панельки на окраинах и отсутствие сельского района. Городок манит молодёжь: здесь процветают фарцовщики, горнолыжный спорт, а шахтёры зарабатывают больше врачей. Рассказ сочетает реализм советской провинции 1980-х с драмой человеческих страстей, профессиональных вызовов и экзистенциальных размышлений. Любовь, долг, предательство и борьба со смертью переплетаются в атмосфере, где романтика и трагедия соседствуют с абсурдом и жестокостью бытия. Открытый финал оставляет героя наедине с болью потерь и осознанием собственного несовершенства.

© Ефременко С., 2025

© Автор, 2025

Сергей Ефременко

Ужасы маленького городка или Гондурас

Предисловие.

На берегу залива с бирюзовой водой, окруженного горами в ночи, ярко светит луна и лунная дорожка устремляется к линии слияния неба и моря.

На песчаном берегу, в соломенном кресле сидит немолодой человек в белом костюме в белой футболке и босиком. Он неспеша курит сигару и созерцает игру моря, луны и медленно набегающих на берег волн.

– Вечный вопрос для живых, что там, за чертой, отделяющей жизнь и смерть? Что ждет каждого из нас в ином мире? И есть ли он мир иной? Или же смерть – это окончательная точка и ни чего уже более нет. Моя работа в реанимации на протяжении тридцати пяти лет, страшных лет борьбы, нет не со смертью, а борьбы за жизнь пациентов, сформировали во мне четкое убеждение, что смерть не является конечной стадией нашего движения в абсолютно непознанном нами мироздании.

Это моё убеждение, в том, что мы продолжаем существовать после смерти в какой-то иной форме материи или духа, но надеюсь с сохраненными индивидуальными чертами. Моя теория носит интуитивно-аналитический и абсолютно недоказуемый характер, опирающийся на личные жизненные переживания, сны, литературные источники и конечно же религиозные мотивы.

Почему сны? Ну наверно, потому что по моему мнению, опять-таки сугубо личному, во сне открываются шлюзы, связывающие наше сознание с глобальным информационным полем или как принято называть сейчас. Мировым Разумом, который возможно и олицетворяет, то, что мы называем Всевышним или Господом Богом. Не Иисусом Христом, не Аллахом, или Буддой, а именно Богом Отцом

Нет, нам не понятны тайны мироздания. Как не понятны нам и наша роль, каждого из нас в этом мире. Кто мы на самом деле, для чего явились на этом свете, какие силы управляют нашими желаниями, нашими эмоциями. Что заставляет нас делать тот или иной выбор для осуществления опять-таки определенных не нами целей на различных этапах нашей жизни. Нам непонятны механизмы гениальности великих поэтов и выдающихся ученых, великих композиторов. Ничем не объяснимая гениальность простого крестьянского парня Есенина, грандиозность романов человека без образования – Шолохова, Пушкин, Высоцкий, Лермонтов и многие другие. Конечно же я думаю, что эти люди являются не чем иным, как получившим при рождении возможность контактировать с мировым информационным полем или с Мировым Разумом.

То есть они Избранники Бога.

Работая на грани между жизнью и смертью, и эта грань не твоя, а пациентов которых я должен был спасать, я знаю, что не все было безупречно. Какие бы причины ни приводили к этому, но по моей вине или же с моим невольным участием умирали люди, которые могли бы наверно выжить. А если это так, то в этом случае ты являешься убийцей. И пусть до этого и потом ты спас множество людей, они благодарны, видят в тебе того единственного спасителя и идеального врача, подарившим им жизнь. Но по законам Божиим ты все же нарушил заповедь «Не убий» и даже одна загубленная по твоей вине жизнь перечеркивает всю твою святость и идеальность. Ставит тебя в один ряд с остальными убийцами. Я думаю, страшнее всех убийц и злодеев, убийца в белом халате, которому доверили жизнь страдающего и которая полностью

зависит от врача. Потому, что от насильника или бандита жертва еще может как-то попытаться защититься, то перед врачом – полностью беззащитна. Ибо, пациент или его родственники верят, что этот человек – врач, и он спасает.

Глава 1.

Городок был жемчужиной шахтерского края. Построенный после войны пленными немцами, японцами и нашими зэками он являл собой островок неведомого нам мира прекрасной архитектуры в стиле сочетания Сталинского модерна и старой Петербургской эстетики. Главная улица в виде бульвара с большими деревьями в центре ее и красивыми фундаментальными домами по бокам вела на центральную площадь города, обрамленную такими же красивыми домами. Ну и конечно же неперенный атрибут советской эстетики главных площадей – стационарная трибуна. Но она ни в коей мере не разрушала гармонию восприятия этого необычного архитектурного ансамбля. При этом город находился как бы на острове окруженным двумя сибирскими реками с изумительно чистой и прозрачной водой в обрамлении гор Шорского хребта, покрытыми вечнозелеными хвойными лесами.

Естественно, что последующая хрущевская оттепель привнесла свои черты минимализма. И островок маленького сибирского Санкт-Петербурга окружили хрущевскими панельными домами. Но у всех жителей города и приезжих город ассоциировался всегда с центральным бульваром и с ощущением иной неведомой и красивой жизни Европы.

Следует заметить, что городок не имел сельского района. Вокруг на многие сотни километров раскинулась непроходимая тайга с крошечными островками леспромхозов и конечно же лагерей для заключенных.

Этот город имел магическую, притягательную силу. Несмотря на наличие в регионе крупных городов с университетами, театрами и крупными предприятиями многие выпускники ВУЗов региона старались попасть по распределению именно в этот город. И хотя в городе не было ни одного высшего учебного заведения, он считался культовым центром продвинутой молодежи. Кстати, почему-то среди молодежи приклеилось название за этим городком Гондурас. Магическое сочетание букв не имеющее сколь значимое отношение к нашему городку. Какое-то маленькое государство в Южной Америке, о котором абсолютно ничего не было известно нам во времена Советского Союза. Многие даже на карте не смогли бы найти этот Гондурас. Но звучание этого слова Гондурас несло в себе намек на эротическую составляющую, хулиганский стеб и придавало общающимся некоторую особую принадлежность к избранным. В городе был популярен в то уже время горнолыжный спорт. Одна из баз подготовки олимпийской сборной СССР по горнолыжному спорту была именно в нашем городке. Из окон операционной во время проведения наркозов я мог созерцать соревнования, проводимые на склонах гор и уже тогда оснащенные подъёмниками.

Во времена тотального дефицита в городке обитали самые крутые фарцовщики, у которых можно было купить самые новые пластинки западных групп (естественно никогда не появляющиеся на прилавках советских музыкальных магазинов), джинсы на любой вкус, а также итальянские сапоги, французскую парфюмерию и даже японские и немецкие магнитофоны.

Градообразующими предприятиями были многочисленные шахты, угольные карьеры и автобазы их обслуживающие. Соответственно подавляющая часть населения была связана с углем. Во времена Советского Союза шахтеры считались элитой рабочего класса и соответственно средний заработок шахтера был в три-четыре больше моего врачебного или простого учителя.

Глава 2.

Мое знакомство с городком и его медициной состоялось во время прохождения субординаторской практики после окончания четвертого курса. Четверых романтично настроенных и бесконечно уверенных в своем превосходстве будущих врачей, восходящих светил медицины

направили на прохождение практики в центральную городскую больницу. Мы веселой компанией шли по залитому июльским солнцем городу на встречу с руководством больницы, для получения мест проживания и графика нашей работы.

Больница представляла собой кирпичное пятиэтажное здание бывшее когда-то общежитием, с высоким крыльцом приемного отделения в торце, выходящим на проезжую часть улицы. Крыльцо было высоким и наверно крайне неудобным для приема носилочных больных. В те времена ни о каких пандусах речи не шло. Больных просто заносили на носилках по крутым ступенькам в приемное отделение.

Жара, июль, тишина и умиротворение. Эта идиллия была прервана неожиданно. С треском открывается дверь приемного отделения. Под аккомпанемент истошных криков и отборного мата из зияющего дверного проема вылетает какой-то бедолага, с продолжением полета по апогейной траектории и с душераздирающим воплем, совершает жесткую посадку на тротуар. Вслед за ним на дорогу перед приемным отделением вылетает сетка с бутылками водки и вина, которые с грохотом разлетаются на осколки и разноцветные брызги. На вершине крыльца появляется громадный человек под два метра ростом с фигурой штангиста, в белом халате с закатанными по локоть рукавами, с большой копной черных кудрявых волос на голове похожий на разбойника из детских фильмов. Врач-великан громадными прыжками перемахивая ступеньки подбегает к распластанному воздухоплавателю, поднимает несчастного за шкуру и прописывая ему громадного пендаля, отправляя бедолагу в очередной полет, кричит ему вслед:

– Если ты, негодяй, еще раз заявишься сюда, то я тебя окончательно прибью и никто не поможет тебе.

Мужчина неопределенного возраста и бомжеватого типа, в потертых спортивных штанах черного цвета и грязной синей майке, в сандалиях на голые ноги завершает свои воздушные путешествия застывая на асфальте на несколько секунд в неподвижности. Но затем встрепенувшись и резко вскочив, стремительно бежит вдоль улицы крича угрозы и проклятья в адрес, отправившего его в полет.

Немая сцена. Наш романтический настрой и вера в бесконечное служение врачей человечеству были подвергнуты смятению.

Это потом нам объяснили, что дежурный травматолог выкинул из больницы пьяного посетителя, который пытался прорваться в отделение травматологии с бутылками водки и вина, чтобы угостить своего друга. Во время попытки прорыва, буйный персонаж, страшно матерясь заехал по уху одной из медицинских сестер приемного отделения. Дальнейшее развитие событий мы и наблюдали во всех красках и звуковом сопровождении.

Дежурного травматолога звали Игорь Абрамов. Несмотря на свой угрожающий вид он был добрейшим человеком. Наверно он мог бы стать священником или психотерапевтом. Его атлетическое тело и угрожающий при первом взгляде внешний вид сочетались с искренней добротой, неподдельным сочувствием и состраданием ко всем окружающим. В моем ощущении он представлялся мне большим, плюшевым медведем. Большим, мягким и добрым. И непременно белого цвета.

К Игорю всегда можно было подойти со всеми своими горестями и печалью, чтобы излить душу, поплакать в жилетку. Он мог ничего не говорить, он просто слушал. Но находясь рядом с ним, рассказывая о своих проблемах я незаметно погружался в теплые волны его ауры. Боль переживаний, негодование какой-либо несправедливостью, гнев постепенно притуплялись, и ты начинал более реально оценивать происходящее. Несколько фраз, казалось бы ничего не значащих, брошенных им во время моего словесного потока вдруг спустя некоторое время, иногда на следующий день или даже через неделю, становились для меня ключом для разрешения проблем. Это не были специальные сеансы психотерапии с уединением в отдельном кабинете в обозначенное время. Все было спонтанно. Когда становилось душевно неком-

фортно, дух смятения или неуверенность начинали овладевать тобой, я просто начинал искать возможность поболтать с Игорем. Обычно это происходило или у нас, анестезиологов-реаниматологов в ординаторской или в ординаторской травматологов во время дежурств. При этом рядом могли находиться другие врачи. Играя в шахматы, попивая чаек я рассказывал о наболевших своих проблемах, при этом не слушая ехидные реплики и советы коллег. Было всегда ощущение того, что мы находимся с Игорем в прозрачной капсуле и суть происходящей беседы была слышна и понятна лишь мне и ему. Я не встречал более никогда в жизни людей подобных Игорю. Мы не были близкими друзьями, не ходили друг к другу в гости, не дружили семьями.

Мое осознание крайней важности этого человека в моей жизни и необходимости постоянного общения с ним пришло ко мне только лишь после его смерти. А до этого моя крайне самовлюбленная и стремящаяся к перфекционизму персона, считала, что весь мир должен крутиться вокруг меня.

Игорь был светлым. Конечно же не все его любили в нашей славной больнице. Он был ярким противопоставлением всех подлых и неблагоприятных поступков. Но это противопоставление не выражалось в вербальном выражении. Все его поступки, все его поведение говорило о том, что как нужно поступать правильно. И это было гораздо сильнее, чем крик или гневные тирады. К сожалению, этому качеству я так и не научился за всю свою жизнь. И свое отрицание или негодование я чаще всего выражал именно криком, ором. Эмоциональная составляющая моих возмущений порой просто сводила на нет весь эффект моих справедливых претензий.

Игорь был виртуозом в травматологии. Невероятная физическая сила с великолепным тригонометрическим чувством пространства, прекрасным знанием анатомии, искуснейшее владение различными операционными техниками – все это был Игорь. Я поражался, как его громадные кисти рук, толстые пальцы справлялись с наложением мельчайших сосудистых швов, например при реплантации отрезанных бензопилой пальцев рук. Надо учесть, что это было в эпоху отсутствия интраоперационных микроскопов. Для усиления оптики он использовал операционные очки наших офтальмологов. Аппарат Илизарова. Игорь владел им настолько успешно, что мог привести в идеальное состояние перелом конечностей любой сложности. В то время наши травматологии выполняли все экстренные нейрохирургические операции. Он первый в нашей больнице стал выполнять костно-пластические операции на черепе. То есть не удалять кости черепа при травмах, а выпиливать пятиугольник в форме «знак почета» и вставлять кость обратно. Чем спас многих от инвалидности.

При такой универсальности и таком мастерстве он был обречен на постоянную жизнь в больнице. Его вызывали из дома на самые сложные случаи. Он мог оперировать сутками, не выходя из операционной. Заведующий травматологией, наш весельчак и балагур Анатолий Щапин, был так же очень талантливым травматологом. К счастью для Игоря Щапин не страдал завистью. Прекрасно понимая, что Игорь гораздо лучше оперирует чем все врачи отделения и лучше его самого, он преподносил это, как достижение своего таланта руководителя. Щапин, так же понимал, что Игорь никогда не будет стремиться к руководству отделением и поэтому его статусу руководителя ничего не угрожало. По крайней мере со стороны Игоря. Мало того, Щапин всячески опекал своего талантливого сотрудника и пытался создать для Игоря максимально комфортные условия. Анатолий Евстифеевич боялся лишь одного, что его любимого сотрудника переманят в крупную клинику в Новокузнецк или в Кемерово. Но Игорь был влюблен в наш городок. В редкие свободные дни он мог улететь с геологами на вертолете далеко в тайгу, в горную Шорию или рядом лежащую Хакасию и отдаться своей второй страсти, рыбалке. О! Здесь он был так же полностью в своей стихии. И потом, на дежурствах, с восторгом рассказывать о пойманных им громадных Тайменях или необыкновенной удачной рыбалке на Хариуса. У Игоря была наверно одна из лучших коллекций в нашем городе спиннингов и удочек различных модификаций. Редкие зарубежные модели спиннингов подарен-

ные ему благодарными пациентами украшали стены его квартиры. И если мы, молодые врачи, гонялись за пластинками и джинсами, то Абрамов мог за хорошую снасть отдать всю зарплату.

Глава 3.

Когда я вернулся в нашу больницу уже молодым врачом анестезиологом-реаниматологом, Игорю было тридцать два года. Тогда он казался мне пожилым врачом с громадным опытом. Да, не знал тогда, что время столь стремительно быстротечно. При всей моей амбициозности и независимости, практически с первых дней нашей совместной работы он стал для меня не только авторитетом. Я видел в нем старшего брата. О таком старшем брате наверно мечтают все пацаны. Большом, невероятно сильном и надежном.

Для меня молодого, мечущегося и только начинающего свой врачебный путь Игорь был образцом идеала. Всеми уважаемый прекрасный врач живущей в полной гармонии с окружающим миром и собой. При этом материально независимый: квартира, машина. Идеальная семья, жена красавица, дочка десяти лет.

Как же любили его первые красавицы нашей больницы, готовые по первому его зову скрасить зимние долгие и летние короткие ночи дежурств, но Игорь был кремень.

Свободный воздух, пропитанный флюидами любви и эротики, наполнял нашу больницу. И это немудрено. Молодые красивые медицинские сестры и врачи разных возрастов, которые работая на полторы (минимум) ставки, а основная масса на две и более, проводили в больнице гораздо большую часть времени, чем с семьями. Вообще-то находится вместе ночами очень опасно молодым людям. Это неизбежно приводит к рождению разных фантазий. Иногда воплощающихся в жизнь.

В начале своей работы в больнице я ничего не понимал. Все вокруг крутили романы, флиртовали, влюблялись и расставались. Игорь же ни разу не давал мне повода заподозрить подобное с его стороны. Вначале я думал,

– Шифруется, гад...

В те времена тема «голубизны» абсолютно не могла прийти в голову. «Голубое» движение было глубоко законспирировано и только лишь несколько скандальных историй о неких преподавателях института и наших студентах, более на уровне слухов, окутанные сплетнями и догадками были известны мне в то время. Так что сразу скажу, Игорь не был гомосексуалистом.

В моем развращенном сознании не укладывалось, как красивый и мужественный врач, может отказывать во внимании таким красавицам. Игорь же всегда общался с коллегами противоположного пола со столь выраженным почтением и уважением, что этим четко очерчивал границы, за которые просто было стыдно перейти даже самой отъявленной оторве-красавице.

Это теперь я понимаю, что, если человеку чего-то не хватает, это значит, что не все уголки его души заполнены любовью. Душа же Игоря была заполнена любовью до краев. Для него существовала лишь одна женщина и это была его жена. Жена Игоря была действительно прекрасна. Типаж Орнеллы Мути времен «Укрощение строптивого». С прической модной в то время «Сэссун», ярко выраженная брюнетка с голубыми, широко открытыми глазами, высокая под стать своему мужу, стройная с осиной талией, часто в изящно сидящих джинсах или в широкой расклешенной юбке чуть выше колен, подчеркивающие изумительную красоту ее ног. Зимой в длинной до пят дубленке и изящных итальянских сапогах в основном белого цвета, а летом в туфлях на высоком каблуке. Ее гардеробу могли позавидовать столичные красавицы. Их дочка была малой копией Жанны и так же всегда была прекрасно и стильно одета.

Когда Игорь с супругой и дочкой гуляли по городу, казалось, все и вся замирало вокруг от восхищения. Эта семья, как бы была из другого мира. Мира дорогих иностранных журналов мод и фильмов об аристократии. Говорили, отец Жанны был большим партийным начальником в Кемерово. Но это были лишь догадки.

Жанна Абрамова работала заведующей центральной аптекой нашего городка. Ко всем прочим достоинствам она почти профессионально играла на фортепиано. Не часто выступала

на сцене Городского Дома культуры с сольными программами и практически была бессменной ведущей всех общегородских торжественных собраний и конференций.

Я только не мог понять одного, что делает в нашем городке эта семья. Ведь по всем законам природы они должны были жить если не в Париже, то уж наверняка в Москве или на крайней случай в Кемерово или Новосибирске.

Конечно же Игорь при всей своей доброте и человеколюбие не был всегда мягким и покладистым. Он давал отпор проявлением агрессии со стороны неадекватных или пьяных пациентов. Что в прочем при его физических данных не было для него столь затруднительно. Учитывая социальный состав жителей города, наличие у многих в анамнезе тюремного прошлого, а также бытовое пьянство и алкоголизм, драки пациентов с медперсоналом или между собой, случались не так уж редко. Но даже укрощая очередного мерзавца Игорь оставался Игорем. То есть не измывался над поверженным агрессором, а фиксируя нападающего он тихим и спокойным голосом призывал того к благоразумию и спокойствию.

Глава 4.

Два с половиной первых моих года самостоятельной работы пролетели как один миг. Постоянное напряжение бессонных ночей, нескончаемые дежурства, детские крики, кровь и рвотные массы, слезы и плач родных умирающих пациентов и счастливые минуты радости осознания своего совершенства после спасения очередного больного и победы над смертью.

В то время я еще не осознавал, что смерть нельзя победить. Мои и моих коллег мнимые победы над смертью были лишь всего предначертанием судьбы каждого конкретного человека и наверняка соглашением между Светом и Тьмой. А мы были лишь всего инструментами осуществления этих предначертаний. И если было угодно судьбе, то мы спасали.....

Иногда неизвестно откуда приходило озарение во время лечения крайне тяжелых больных, казалось, с безнадежными прогнозами и ты находил верный путь. Это наверно похоже на рождение музыки или стихов. Непонятные механизмы сознания улавливают дыхание Вселенной и так рождаются гениальные стихи, музыка, изобретения, картины

В эти моменты озарения я чувствовал себя Богом, вершителем судеб. Но Судьба постоянно испытывала меня и наносила удары, заставляющие сомневаться в собственной гениальности и божественном предназначении. Пациент с незначительным заболеванием, готовящейся на перевод из реанимации в коечное отделение, вдруг внезапно ухудшался и на твоих глазах начинал умирать. Это было абсурдно. Ты пытался понять причины, привлекал старших товарищей – опытных врачей, для предотвращения катастрофы. Использовался арсенал всех необходимых медикаментов и оборудования. Но ничего не помогало. На вскрытии не находили сколь-нибудь значимых причин, приведших к смерти. Нет, конечно, могли выдумать любой диагноз, оправдывавший правильность тактики лечения и неотвратимость смерти. Но это от того, что сами патологоанатомы не могли найти субстрата приведшего к смерти данного больного. Это были страшные удары. Придуманный образ самого себя, как врача-Бога, рассыпался подобно песочной скульптуре. Тогда наступали минуты отчаяния. Ты начинал сомневаться в своем предназначении Спасителя – реаниматолога.

Конечно же работа наша не была окутана сплошными страданиями. Вечерами, во время затишья, приятные беседы с дежурными врачами других отделений, чаек, шахматы, последние музыкальные записи на катушечном магнитофоне, обсуждение новых произведений из «Нового Мира», «Иностранной литературы» – наших любимых журналов того времени. Легкие и жесткие флирты, любовные коллизии так же были постоянными спутниками нашей работы в больнице. Нет, наша жизнь не была соткана только из кошмаров и страданий. Она была яркой и многогранной. Горечи потерь, только лишь подчеркивали и возвеличивали радость побед. Я вгрызался в яблоко жизни полным ртом и брызги летели во все стороны. «Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви». Я действительно изнемогал от любви, но не к конкретной женщине, а к той моей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.